

КОГНИТИВНЫЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В.С. Рыжаков

Аннотация. Статья посвящена вопросам интертекстуальности. В ней проанализировано содержание понятия «интертекстуальность» с точки зрения различных научных школ и подходов, существующих на сегодняшний день. В результате анализа теоретических данных установлено наличие значительных расхождений в понимании рассматриваемого явления представителями различных научных школ, что приводит к затруднениям в осуществлении унифицированных практических исследований на конкретном текстовом материале. В статье предпринята попытка разграничения имеющихся на данный момент определений понятия «интертекстуальность» при помощи применения данных когнитивных наук и семиотического подхода. По итогам исследования автором статьи предлагается собственная интерпретация рассматриваемого феномена. Данные, изложенные автором в статье, могут служить основой как для осуществления дальнейших теоретических исследований феномена интертекстуальности, так и для реализации практического изучения функционирования данного явления в текстах.

Ключевые слова: теория интертекстуальности, интертекст, семиотика, когнитивный подход, теория текста.

Для цитирования: Рыжаков В.С. Когнитивный и семиотический подходы к пониманию феномена интертекстуальности // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 437–447. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-437-447

437

COGNITIVE AND SEMIOTIC APPROACHES TO UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF INTERTEXTUALITY

V.S. Ryzhakov

Abstract. The article focuses on the problem of intertextuality. It analyzes the content of the concept “intertextuality” from the point of view of different currently existing scientific schools and paradigms. As a result of the analysis of the theoretical data the presence of significant discrepancies in the descriptions of the phenomenon under consideration has been revealed, that makes it more difficult to carry out any unified practical study of a text. The article attempts to delineate the existing approaches to the description of

© Рыжаков В.С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the phenomenon of intertextuality using the data of the cognitive science as well as the semiotic approach. As a result of the research the author offers his own interpretation of the phenomenon under discussion. The data presented in the article may serve as the basis for further theoretical researches of intertextuality as well as practical studies of functioning of this phenomenon in texts.

Keywords: *the theory of intertextuality, intertext, semiotics, cognitive approach, text theory.*

Cite as: Ryzhakov V.S. Cognitive and Semiotic Approaches to Understanding the Phenomenon of Intertextuality. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 4, part 2, pp. 437–447. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-437-447

В наши дни присутствие элементов чужого дискурса в авторском тексте, составленном средствами как естественного языка, так и иных знаковых систем, изучается различными науками. Данный факт свидетельствует не только о глубочайшем интересе со стороны гуманитарной научной мысли к настоящему феномену, но и о его сложности, комплексности и отчасти недостаточной изученности на данном этапе.

Как известно, понятие «интертекстуальность», означающее свойство всякого текста устанавливать межтекстовые связи посредством введения автором в собственный текст различного рода отсылки к другим продуктам культурной деятельности человека, впервые было употреблено в научном обиходе в 1966 году французским ученым Ю. Кристевой [1]. В дальнейшем анализируемое явление активно исследовалось представителями различных научных школ, в результате чего сформировалось множество подходов к его интерпретации.

Следует отметить, что различные приемы установления межтекстовых связей были широко известны как составителям текстов, так и ученым до введения в научный обиход понятия «интертекстуальность» Ю. Кристевой. Так, например, в своей диссертации Д.Ф. Керимова упоминает распространенный в эпоху

античности жанр поэтического текста «центон», а также указывает на цитатную природу текстов эпохи Средневековья [2, с. 15]. Интерес научной мысли именно середины XX века к явлению сознательного введения автором в собственный текст элементов чужого дискурса как принципа текстопорождения и оказания эмоционально-эстетического воздействия на адресата принято связывать с его активным употреблением писателями, создававшими свои произведения в рамках современной на тот момент эстетической парадигмы — постмодернизма [3, с. 94].

Анализ актуальной научной литературы, посвященной вопросам присутствия в авторском тексте элементов чужого дискурса, именуемого понятием интертекстуальность, обнаруживает разнообразие подходов к пониманию и описанию данного явления. В частности, это находит выражение в наличии многообразных, зачастую заметно разнящихся определений понятия «интертекстуальность» и существовании основанных на разных принципах классификаций проявления в текстах исследуемого феномена. На наш взгляд, подобное отсутствие единообразия в теоретической базе затрудняет осуществление практических исследований в данной области [4].

Сама Ю. Кристева основывала собственную теорию интертекстуальности на индивидуальной интерпретации

идей диалогизма М.М. Бахтина, теории пародийности Ю. Тынянова и анаграмматической гипотезы Ф. де Соссюра, таким образом отсылая последующих исследователей рассматриваемого феномена к данным источникам. А.В. Снигирёв в своей диссертации указывает, что причина возникающих разночтений феномена интертекстуальности кроется непосредственно в столь сложном философско-теоретическом обосновании теории интертекстуальности, предложенном Ю. Кристевой [5]. Некоторые исследователи интертекстуальности, адресуемые Ю. Кристевой к бахтинской теории диалогизма, ставили под вопрос её окончательную сформированность, завершенность. Так, М. Холквист утверждает, что М.М. Бахтин в своих трудах не дает единого, четкого описания употребляемого им понятия «диалог» [6, с. 20]. В. Махлин, исправляя М. Холквиста, отмечает, что в трудах М.М. Бахтина проводится разграничение между его собственным пониманием диалога и сократовским [7]. И.П. Ильин критически высказывается в адрес Ю. Кристевой за сведение столь сложной теории, как теория диалогизма М.М. Бахтина, к феномену присутствия в авторском литературном тексте лексико-грамматических, идейно-тематических, стилистических и сюжетных переключений с иными литературными произведениями. Во-первых, феномен использования текстовых цитат различного типа и иных эксплицитных дискурсивных заимствований встречается не только в текстах, созданных средствами естественного языка, но также и средствами других знаковых систем. Во-вторых, идеи диалогизма М.М. Бахтина выходят далеко за рамки явления введения автором в собственный текст элементов иных дискурсов [8].

На сегодняшний день множество подходов к пониманию феномена интертек-

стуальности можно условно разделить на два блока. К первому блоку отнесем сторонников представлений о том, что ни один текст не может быть создан автором или интерпретирован адресатом в изоляции от других порождений культуры. Наличие в тексте явных или скрытых переключений с другими проявлениями культуры, согласно данной точке зрения, рассматривается как необходимое условие как для создания текста, так и для его интерпретации. Представители первого блока считают, что любое текстовое порождение является частью единого взаимосвязанного культурного пространства. Следовательно, всякий текст представляет собой комплексную интертекстуальную отсылку к корпусу уже существующих материальных воплощений культуры. В свою очередь, став частью этого корпуса, новый текст будет служить источником интертекстуальности для последующих порождений культуры [9, с. 215; 10, с. 48]. Ко второму блоку отнесем ученых, ограничивающих феномен интертекстуальности текстовыми цитатами и аллюзиями. В.Е. Чернявская также указывала на наличие двух блоков подходов к восприятию феномена интертекстуальности и предлагала разделять их на так называемые «широкие» и «узкие» подходы [11, с. 180].

На наш взгляд, имеющаяся на данный момент множественность интерпретаций явления интертекстуальности не позволяет ответить на ключевые вопросы о сущности данного феномена, что затрудняет, а зачастую и делает невозможным практические исследования функционирования интертекстуальных включений в конкретных текстах.

А.В. Кремнева в своей диссертации указывает на необходимость приведения к единству теории интертекстуальности. Собственную стратегию унификации

взглядов в анализируемой области исследователь предлагает основывать на теории концептуальной деривации Н.Н. Болдырева и достижениях современной когнитивной лингвистики [12, с. 97].

Так, в теории концептуальной деривации Н.Н. Болдырева выделяется три типа концептуально-деривационных процессов:

- процессы генерирования новых знаний на базе вторичной актуализации и перепрофилирования отдельных компонентов имеющих у индивида знаний [13];
- процессы образования когнитивных структур, основанные на принципе концептуальной интеграции [14, с. 40];
- процессы «каталогизации» нового знания путем метонимизации и метафоризации имеющих в сознании индивида концептов [15].

В когнитивных науках на сегодняшний день сложилось представление о том, что главным отличием мышления человека от мышления животных является его речевая основа, приводящая к наличию внутреннего диалога в сознании человека. По мнению Ю. Харари, благодаря наличию внутреннего диалога становится возможной способность человека к ментальному накоплению сведений об окружающей действительности, а также анализу и моделированию различных гипотетических ситуаций [16]. Иными словами, дискурсивность мышления человека, проявляющаяся в наличии складывающегося в непрерывный текст внутреннего диалога, позволяет индивиду накапливать и передавать другим людям знания в виде текстов. Эти тексты вызывают в сознании «принимающего» новое знание некий когнитивный отклик, включающий в себя ряд ассоциаций как с «передающим» новое знание человеком, так и с предлагаемым им текстом с его конкретными текстуальными единицами. Следует отметить, что, по утверж-

дениям М.М. Бахтина, «внешний» текст, являющийся продуктом интеракции, может быть составлен средствами любой сложившейся знаковой системы. Следовательно, любой акт культурной деятельности человека можно представить в виде текста [17].

Согласно Р. Лангакеру, психическая рефлексия внешнего мира представляет собой комплексную цепь ментальных процессов, основанных на ассоциативной реакции, провоцируемой внешним стимулированием органов чувств. Представления человека об объективной действительности имеют образно-концептуальный характер. Таким образом, семантика знаков естественного языка строится именно на образно-концептуальных представлениях об означаемых ими явлениях объективной реальности [18, с. 113–114].

В современной когнитивной лингвистике считается, что информация, хранящаяся в человеческом сознании, представлена в виде особых концептуальных структур, состоящих из базового, «ядерного» элемента и периферийно-ассоциативного компонента. Процесс мышления строится на активации концептуальных структур, имеющих в сознании того или иного индивида. Следует отметить, что терминологические наименования подобных концептуальных структур отличаются в зависимости от научной школы.

Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, процесс структурирования информации основывается на так называемом принципе концептуальной метафоры, представляющем собой метафорическое уподобление структуры порождаемого в сознании человека значения (“target domain”) когнитивной структуре вводимой информации (“source domain”) [19]. Иными словами, новое знание формируется и структурируется в сознании индивида по образцу структуры вводимой информации.

Теория концептуальной интеграции или блендинга Ж. Фоконье и М. Тёрнера также описывает процесс восприятия новой информации посредством ранее полученных знаний. Согласно настоящей теории, в ходе данного процесса в сознании индивида образуются новые, динамичные по своей сути ментальные пространства-отражения соответствующих явлений окружающей действительности, находящие дискурсивную репрезентацию на основе устоявшихся когнитивных структур (фреймов) [20, с. 23; 21, с. 351–352]. Авторами данной теории процесс концептуальной интеграции описывается как совмещение существующих и вновь создаваемых в процессе перцепции ментальных пространств. При этом введение новых ментальных пространств возможно при условии существования «родового» пространства (“generic space”), т. е. совокупности общих для всех коммуникантов фоновых знаний, сквозь призму которых происходит введение новой для воспринимающей стороны информации. В результате процесса блендинга в сознании реципиента создаются новые, интегрированные ментальные пространства.

Согласно Л. Лукшик, фоновые знания хранятся в сознании в виде фреймов, соответствующих определенным прецедентным текстам, которые активируются в процессе восприятия новой информации [22].

С. Кавальканте указывает, что существующие представления о восприятии и хранении данных в сознании человека демонстрируют «интертекстуальную» природу человеческого мышления в целом [23]. Следовательно, при подобном подходе любой акт сознательной деятельности человека следует воспринимать как интертекстуальный процесс.

На наш взгляд, применение данных когнитивных наук подкрепляет представ-

ления, характерные для широкого подхода к пониманию феномена интертекстуальности. Однако следует отметить, что данный подход не в полной мере отвечает на вопросы, связанные с природой и функционированием различных форм сознательного и манифестированного введения автором в собственный дискурс элементов чужих дискурсов, таких как, например, текстовые цитаты или аллюзии, традиционно именуемые интертекстуальными включениями. В нашем понимании подходы, согласно которым любой сознательный акт человеческой деятельности является отражением, воспроизведением, следствием или реакцией на определенную совокупность предыдущих сознательных актов деятельности человечества, выводят за рамки понятия интертекстуальность явление умышленного употребления «заимствованных» текстовых элементов в собственном произведении с целью оказания какого-либо воздействия на его адресата.

Для выявления сущности феномена сознательного введения автором в собственный текст элементов текстов других авторов, именуемого представителями узкого подхода интертекстуальными включениями, предлагаем рассмотреть функционирование таковых на материале невербальных текстов. На наш взгляд, большая условность и ограниченность комбинаторного потенциала единиц невербальных языковых систем может позволить при восприятии невербальных текстов минимизировать вероятность возникновения явления «читательской» интертекстуальности, которое заключается в установлении именно адресатом текста произвольных, субъективных, не заложенных автором текста ассоциативных связей между единицами воспринимаемого текста и иными текстовыми порождениями.

В ходе настоящего исследования нами был поставлен опыт по распознаванию адресатами интертекстуальных связей в музыкальных текстах. Интертекстуальные включения в опытных композициях проявлялись в наличии в авторском музыкальном тексте мелодических, гармонических и стилистических заимствований из иных музыкальных произведений.

Участникам опытной группы, состоящей из артистов балета профессионального хореографического коллектива, было предложено прослушать несколько сочиненных специально для данного опыта музыкальных композиций, исполненных на фортепиано. В качестве композитора и исполнителя выступил автор настоящего исследования, имеющий помимо филологического образования высшее музыкальное образование и ведущий профессиональную композиторскую и музыкально-исполнительскую деятельность в хореографическом коллективе, на базе которого проводился настоящий опыт. Профессиональная принадлежность участников опыта была обусловлена тем, что подготовка артистов балета подразумевает наличие достаточных познаний в области музыки для детальной интерпретации и глубокого восприятия музыкального текста. При этом недостаточность владения музыкальной грамотой, на наш взгляд, исключает вероятность заключения умозрительных выводов, связанных с формальными сходствами элементов музыкальных текстов, обусловленными ограниченностью комбинаторного потенциала единиц музыкального языка.

В качестве музыкального материала слушателям было предложено 6 оригинальных композиций, не исполнявшихся ранее. Каждая композиция содержала элементы музыкальной ткани, которые гипотетически могли бы восприниматься слушателем как заимствованные автором

текста из известных музыкальных произведений иных композиторов. Следует отметить, что все прецедентные тексты, служившие источниками интертекстуальных заимствований, были знакомы участникам опытной группы и неоднократно напоминались им в своем оригинальном звучании накануне опыта.

Композиция 1 представляла собой законченное музыкальное построение протяженностью в 32 такта в жанре ноктюрна, сочиненное на основе общих канонов организации музыкальной ткани, характерных для вышеупомянутого жанра, сформированных Ф. Шопеном и воплощенных в его ноктюрне №20 до-диез минор. Эти жанровые каноны предполагается считать заимствуемым элементом в данной композиции.

Композиция 2 точно воспроизводила гармонический план и, следовательно, композиционную структуру второй лирической темы произведения А. Пьяццоллы «Adios Nonino». При этом мелодическая линия опытной композиции полностью отличалась от мелодической линии композиции-источника гармонического заимствования.

Композиция 3 протяженностью в 32 такта в музыкальном размере 4/4 содержала короткие (до одного такта) буквальные мелодические цитаты-«обрывки» музыкальных фраз из песни «Листья желтые» Р. Паулса, чередующиеся с авторским текстом, который в своей совокупности не был схож по звучанию с совокупным звучанием композиции-источника мелодических заимствований.

В качестве композиции 4 предлагалась авторская джазовая аранжировка «Вальса цветов» из балета П. Чайковского «Спящая красавица».

Композиция 5 представляла собой развернутое построение в трёхчастной форме *da capo*, где крайние части про-

тяженностью в 32 такта были сочинены в оригинальном авторском стиле, а средняя часть являлась имитацией стиля композиторов эпохи барокко без употребления буквальных мелодико-гармонических заимствований.

Композиция 6 — попури на темы французской эстрады XX века (“Non, je ne regretted rien”, “Je suis malade”, “Sous le ciel de Paris”, “Les Feuilles mortes”), в котором отдельные законченные музыкальные фразы, заимствованные из известных песен, чередовались со значительно превосходящими их по протяженности участками оригинального авторского текста, резко отличавшегося стилистически и по характеру от заимствованных эпизодов.

В ходе фиксируемого в письменной форме устного обсуждения, состоявшегося после прослушивания опытных композиций, были выявлены следующие результаты. Следует отметить, что настоящий опрос проводился отдельно с каждым участником с целью исключения вероятности принятия коллективных решений.

Композиция 1: ни один из участников не установил никакой связи между данной композицией и творчеством Ф. Шопена. Ряд опрошенных указал на возможную принадлежность автора данного произведения к композиторской школе, родственной музыкальному романтизму XIX века. На наш взгляд, это дает основания полагать, что в музыкальном тексте воспроизведение жанрово-стилистических особенностей и принципов текстопорождения, свойственных определенному эстетическому направлению или школе, не позволяют установить четкой интертекстуальной связи данного текста с каноническими текстами.

Композиция 2: ни одному из опрошенных не удалось обнаружить наличие точного заимствования гармонической

последовательности, лежащей в основе данного примера. Это свидетельствует о том, что лимитированный комбинаторный потенциал знаков музыкального языка допускает наличие буквальных повторов на гармоническом уровне в разных текстах без установления ассоциативной связи между ними адресатом.

Композиция 3: некоторые участники опыта обратили внимание на наличие в экспериментальной композиции ряда мотивов, схожих с мотивами иных известных им музыкальных произведений. При этом не все подразумеваемые автором «заимствования» были опознаны слушателями. Кроме того, в ряде случаев ассоциативные связи, устанавливаемые адресатами, объективно не имели отношения к подразумеваемому автором источнику заимствования. Следует отметить, что дальнейшее развитие этих мотивов, отличное от развития в предполагаемом источнике заимствования, заставило всех участников опыта усомниться в наличии какой-либо объективной связи данной композиции с другими произведениями и воспринимать эту композицию как произведение, не имеющее отношение к произведениям, содержащим схожие элементы.

На наш взгляд, результаты опроса по композициям 2 и 3 указывают на то, что возможные зачастую случайные повторы, встречающиеся в разных произведениях и обусловленные заметно ограниченным комбинаторным потенциалом музыкального языка, не создают выраженных интертекстуальных отношений между различными произведениями.

Композиция 4: все участники указали на диахронический и стилистический перенос исполнителем произведения другого автора, создающий стилистический конфликт, который, в свою очередь, привел к возникновению новой драматургической интерпретации образа

классического наследия, основанной на столкновении двух различных культур и эстетических направлений.

Композиция 5: все опрошенные отметили наличие дискурсивно контрастного эпизода в стиле барокко в авторском сочинении композитора иной эпохи. Стилистический контраст, по словам опрошенных, приводил к многоплановости драматургической интерпретации целого музыкального произведения.

Композиция 6: все участники распознали все заимствованные фрагменты и указали на их новое семантическое прочтение в контексте данной композиции. Также опрошенными был отмечен имеющийся дискурсивный контраст между заимствованиями и авторским текстом, который создавал семантическую многоплановость целого произведения.

Результаты данного опыта делают очевидным, что для объективного установления интертекстуальных ассоциативных связей в каком-либо тексте необходимо наличие выраженного дискурсивного контраста между его компонентами с установлением их четкой авторской идентификации по принципу «собственное»/«заимствованное» как адресантом, так и адресатом текста. Подобное сознательное введение автором в собственное произведение элементов чужих произведений создает особый драматургический эффект семантической многоплановости целого сочинения в сознании адресата.

Таким образом, на наш взгляд, анализ исследуемого нами феномена с точки зрения когнитивистики и семиотики позволяет сделать вывод, что уместнее говорить не о существовании двух разных групп подходов к пониманию одного явления, но о двух разных явлениях, имеющих в современной науке одно терминологическое наименование. С одной стороны, универсальное свойство психики человека, проявляющееся в восприятии, накоплении и передаче информации об окружающем мире в абстрактно-дискурсивном виде с формальным и структурным уподоблением образуемого ментального пространства исходному тексту-источнику и сохранением ассоциативной связи с контекстом получения данного знания. С другой стороны, особый стилистический приём оказания определенного воздействия на адресата, выражающийся в сознательном, отчётливо выраженном, не скрываемом введении автором в собственный текст элементов иных текстов, распознаваемых адресатом как таковые. При этом логично предположить, что функционирование данного приема основывается на включении автором в текст специфических единиц, обладающих определенными лингвистическими свойствами и структурой, описание которых с точки зрения компонентного состава и функционирования в тексте предлагает богатую почву для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
2. *Керимова, Д.Ф.* Интертекстуальность как текстообразующая категория литературы постмодернизма (на примере сборника рассказов и эссе Т.Н. Толстой «Не кысь»): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2017. 152 с.

3. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.): учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. С.И. Тиминой. 3-е изд., испр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2013. 352 с.
4. Рыжаков, В.С. Интертекстуальность: феноменологический и понятийный анализ и классификация типов интертекстов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.83> (дата обращения: 01.07.2023).
5. Снигирев, А.В. Интертекст: типология, включение и функционирование в художественном тексте: на материале романов М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», Ф. Соколова «Мелкий бес» и С. Соколова «Палисандрия»: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 182 с.
6. Holquist, M. Dialogism: Bakhtin and His World. London and NY, 1990. 228 с.
7. Махлин, В.Л. Что такое диалогизм? // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 109–120.
8. Ильин, И.П. Стилистика интертекстуальности. Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. М., 1989. С. 29–42.
9. Кронгауз, М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 352 с.
10. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г.К. Косикова, В.Ю. Лукасик, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Изд. 2-е. М.: URSS; Ленанд, 2015. 235 с.
11. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
12. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2019. 418 с.
13. Бабина, Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка: коллективная монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2009. С. 128–150.
14. Виноградова, С.Г. Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2016. 301 с.
15. Болдырев, Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. М., 2018. С. 37–42.
16. Harari, Y. Sapiens: A Brief History of Humankind. USA, 2014. 368 p.
17. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
18. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application. Vol. 1. Stanford University Press, 1987. 540 с.
19. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 252 с.
20. Fauconnier, G., Turner, M. The Way We Think. NY, 2002. 464 с.
21. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language, 2nd ed. Cambridge University Press, 1994. 240 с.
22. Лукшик, Л. Когнитивный подход к проблеме интертекстуальности (на примере немецких и венгерских рекламных текстов) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 44–51. URL: <https://rucont.ru/efd/469912> (дата обращения: 01.07.2023).

23. *Cavalcante, S. A Preliminary Essay on Intertextuality as a Socio-Cognitive Phenomenon // Rhetorical Analysis eJournal. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/232062825_A_Preliminary_Essay_on_Intertextuality_as_a_Socio-Cognitive_Phenomenon (дата обращения: 01.07.2023).*

REFERENCES

1. Kristeva, Yu. Bahtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. In: *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism], comp. G.K. Kosikova. Moscow, Progress, 2000, pp. 427–457. (in Russ.)
2. Kerimova, D.F. *Intertekstualnost kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya literatury postmodernizma (na primere sbornika rasskazov i esse T.N. Tolstoj “Ne kys”)* [Intertextuality as a Text-Forming Category of Postmodern Literature (On the Example of the Collection of Short Stories and Essays by T.N. Tolstoy “Not Kys”): PhD Dissertation (Philology). Mahachkala, 2017, 152 p. (in Russ.)
3. *Sovremennaya russkaya literatura (1990-e gg. – nachalo XXI v.)* [Modern Russian Literature (The 1990s – the Beginning of the XXI Century): textbook], ed. by S.I. Timina. St. Petersburg, Filologicheskij fakultet Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Moscow, Akademiya, 2013, 352 p. (in Russ.)
4. Ryzhakov, V.S. Intertekstualnost: fenomenologicheskij i ponyatijnyj analiz i klassifikaciya tipov intertekstov [Intertextuality: Phenomenological and Conceptual Analysis and Classification of Types of Intertexts], *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*, 2022, No. 8 (122). Available at: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.83> (accessed: 01.07.2023). (in Russ.)
5. Snigirev, A.V. *Intertekst: tipologiya, vklyuchenie i funkcionirovanie v hudozhestvennom tekste: na materiale romanov M.E. Saltykova-Shchedrina “Istoriya odnogo goroda”, F. Sologuba “Melkij bes” i S. Sokolova “Palisandriya”* [Intertext: Typology, Inclusion and Functioning in a Literary Text: Based on the Novels of M.E. Saltykov-Shchedrin “The History of One City”, F. Sologub “Small Demon” and S. Sokolov “Rosewood”]: PhD Dissertation (Philology). Ekaterinburg, 2000, 182 p. (in Russ.)
6. Holquist, M. *Dialogism: Bakhtin and His World*. London and NY, 1990, 228 p.
7. Mahlin, V.L. Chto takoe dialogizm? [What is Dialogism?], *Dialog. Karnaval. Hronotop = Dialog. Carnival. Chronotope*, 1993, No. 1, pp. 109–120. (in Russ.)
8. Ilin, I.P. Stilistika intertekstualnosti. Teoreticheskie aspekty [Stylistics of Intertextuality. Theoretical Aspects]. In: *Problemy sovremennoj stilistiki* [Problems of Modern Stylistics]. Moscow, 1989, pp. 29–42. (in Russ.)
9. Krongauz, M.A. *Semantika* [Semantics: Textbook for Students]. Moscow, Akademiya, 2005, 352 p. (in Russ.)
10. Pege-Gro, N. *Vvedenie v teoriyu intertekstualnosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality], ed. by G.K. Kosikov. Moscow, URSS, Lenand, 2015, 235 p. (in Russ.)
11. Chernyavskaya, V.E. *Lingvistika teksta: polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost* [Linguistics of the Text: Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity. Textbook]. Moscow, Librokom, 2009, 248 p. (in Russ.)
12. Kremneva, A.V. *Intertekstualnost kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstviya: kognitivno-semioticheskij aspekt (na materiale anglijskogo yazyka)* [Intertextuality as One of the Forms of Intertextual Interaction: Cognitive-Semiotic Aspect (Based on the Material of the English Language)]: ScD Dissertation (Philology). Barnaul, 2019, 418 p. (in Russ.)

13. Babina, L.V. *Konceptualnye osnovy slovoobrazovaniya* [Conceptual Foundations of Word Formation]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language: A Collective Monograph]. Moscow, Tambov, 2009, pp. 128–150. (in Russ.)
14. Vinogradova, S.G. *Kognitivnye osnovy kommunikativnogo chleneniya slozhnogo predlozheniya* [Cognitive Foundations of Communicative Division of a Complex Sentence]: ScD Dissertation (Philology). Tambov, 2016, 301 p. (in Russ.)
15. Boldyrev, N.N. *Konceptualnaya derivaciya kak osnova vtorichnoj yazykovoj interpretacii* [Conceptual Derivation as the Basis of Secondary Linguistic Interpretation]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXIII* [Cognitive Studies of Language, iss. XXXIII]. Moscow, 2018, pp. 37–42. (in Russ.)
16. Harari, Y. *Sapiens: A Brief History of Humankind*. USA, 2014, 368 p.
17. Bahtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1986, 445 p. (in Russ.)
18. Langacker, R.W. *Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application, vol. 1*. Stanford University Press, 1987, 540 p.
19. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors by Which We Live]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 252 p. (in Russ.)
20. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think*. NY, 2002, 464 p.
21. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language, 2nd ed.* Cambridge University Press, 1994, 240 p.
22. Lukshik, L. Kognitivnyj podhod k probleme intertekstualnosti (na primere nemeckih i vengerskih reklamnyh tekstov) [Cognitive Approach to the Problem of Intertextuality (Using the Example of German and Hungarian Advertising Texts)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* = Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication, 2010, No. 4, pp. 44–51. Available at: <https://rucont.ru/efd/469912> (accessed: 01.07.2023). (in Russ.)
23. Cavalcante, S. A Preliminary Essay on Intertextuality as a Socio-Cognitive Phenomenon, *Rhetorical Analysis eJournal*, 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/232062825_A_Preliminary_Essay_on_Intertextuality_as_a_Socio-Cognitive_Phenomenon (accessed: 01.07.2023).

Рыжаков Вадим Сергеевич, ассистент, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, vadimryzhakov@mail.ru

Vadim S. Ryzhakov, Assistant, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, vadimryzhakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.07.2023. Принята к публикации 06.10.2023
The paper was submitted 14.07.2023. Accepted for publication 06.10.2023